

Платонова Н. М., Ключников С. В.
N. M. Platonova, S. V. Klyuchnikov

«МЫ НЕ ЯВЛЯЕМСЯ ОБЩЕСТВОМ “ОДНОГО ИЗМЕРЕНИЯ”, КАК ДУМАЮТ НА ЗАПАДЕ...»: ФОРМЫ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ СТАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР. 1965 – 1985 ГОДЫ)

«WE ARE NOT A SOCIETY OF “ONE DIMENSION”, AS THEY THINK IN THE WEST...»: FORMS, METHODS AND APPROACHES OF STATE YOUTH POLICY STRATEGY (ON THE EXAMPLE OF THE USSR FAR EAST. 1965 – 1985)

Платонова Нонна Михайловна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); тел. 8(924)302-85-03. E-mail: platonova_nonna@mail.ru.

Nonna M. Platonova – PhD in History, Assistant Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk); tel. 8 (924)302-85-03. E-mail: platonova_nonna@mail.ru.

Ключников Сергей Владимирович – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры высшей математики Государственного института экономики, финансов, права и технологий (Россия, Гатчина); тел. 8(921)208-20-72. E-mail: sergey.klyuchnikov@novsu.ru.

Sergey V. Klyuchnikov – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Higher Mathematics Department, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology (Russia, Gatchina); tel. 8(921)208-20-72. E-mail: sergey.klyuchnikov@novsu.ru.

Аннотация. В статье проанализирован исторический опыт реализации государственной молодёжной политики (ГМП) на Дальнем Востоке СССР в контексте мобилизационной социально-политической модели с 1965 по 1985 год. Выявлены и показаны последовательность и взаимосвязанность ГМП от внутриполитической обстановки в стране и установок высшей партийной элиты. Раскрыты формы и методы трудовой мобилизации, проанализированы причины материально-экономической мотивации молодёжи. Указаны социально-экономические трудности и проблемы, влиявшие на закрепление кадрового потенциала в регионе. Сделан вывод об общегосударственном значении деятельности и высокой трудовой активности советской молодёжи на дальневосточной территории в позднесоветский период. Высшая партийная элита смогла мобилизовать инициативы комсомольцев и молодёжи в общественных интересах, но в условиях нараставшего хозяйственного кризиса ей не удалось значительно изменить социально-экономическое положение в молодёжной среде.

Summary. The article analyzes the historical experience of the implementation of the state youth policy (GMP) in the Far East of the USSR in the context of the mobilization socio-political model from 1965 to 1985. The sequence and interconnectedness of the GMP from the domestic political situation in the country and the attitudes of the highest party elite are revealed and shown. The forms and methods of labor mobilization are revealed, the reasons for the material and economic motivation of young people are analyzed. The socio-economic difficulties and problems affecting the consolidation of human resources in the region are indicated. The conclusion is made about the national significance of the activity and high labor activity of Soviet youth in the Far Eastern territory in the post-Soviet period. The highest party elite was able to mobilize the initiatives of Komsomol members and youth in the public interest, but in the conditions of the growing economic crisis, it failed to significantly change the socio-economic situation among young people.

Ключевые слова: государственная молодёжная политика, Дальний Восток СССР, позднесоветский период, комсомол, трудовая мобилизация.

Key words: state youth policy, the Far East of the USSR, the late Soviet period, Komsomol, labor mobilization.

УДК 329.78(571.6)

Формирование современной государственной молодёжной политики (ГМП) Российской Федерации началось при малой хронологической дистанции от реального времени. В начале 1990-х годов наряду с политическими остро обострились социально-экономические проблемы российского социума, ставшие закономерным результатом распада Советского Союза. Одновременно обозначились и в дальнейшем лишь усугублялись кардинальные изменения на всех уровнях систем образования и воспитания, уничтожалась государственная идеологическая парадигма и др. В сложных условиях переходного периода, сопровождавшегося резким вхождением в рыночные отношения, наиболее уязвимой оказалась молодёжь. По сравнению с советской эпохой, во многом лишённая многосторонней поддержки государства молодёжная среда стала «массово усваивать ценности индивидуализма, эгоизма, неограниченного гедонизма, порицания и даже полного отрицания коллективного, начался резкий всплеск различных социальных патологий» [29, 113]. Разрушение советских форм контроля за соблюдением общественного порядка, рост подростковой и молодёжной преступности, наркомания вынуждали высшую политическую элиту предпринимать меры законодательного порядка, поскольку игнорировать негативные последствия этих явлений было невозможно. Отечественная молодёжная политика крайне нуждалась в новой комплексной концепции и подходах, ориентированных на решение значительного числа проблем экономической, социально-демографической направленности, а также задач по формированию новых направлений в сфере национальной безопасности и других областях общегосударственной политики.

Обновление нормативно-правовой базы ГМП началось с федеральных целевых программ «Молодёжь России» [17; 18] и законов [13; 15], принятых в разные годы (1994, 2000, 2001 и др.). Важным шагом в этом направлении стала «Концепция государственной молодёжной политики Российской Федерации», которую в 2001 году утвердила Правительственная комиссия по делам молодёжи [22, 55]. Российская молодёжь становилась объектом национально-государственных интересов. В свою очередь субъектами, осуществлявшими политический курс, выступали органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения, физические, юридические лица, работодатели, деятельность которых была направлена на создание условий в сфере образования и воспитания молодого поколения. Несмотря на фундаментальный массив правового обеспечения 1990-х – начала 2000-х годов, властным структурам не удалось в полной мере придать молодёжной политике некую индивидуальную самостоятельность, т. е. преодолеть оторванность от других областей государственной политики, и при её реализации на практике отказаться от применения остаточного принципа централизованного финансирования.

Совершенствование и расширение концептуальных подходов к развитию ГМП, создание эффективных механизмов её реализации продолжают в условиях новейшего времени [16]. Актуализация и важность выработки механизма постоянного повышения эффективности человеческого капитала, воспитания конкурентоспособного и подготовленного к жизни в глобальном мире молодого поколения россиян легли в основу современной государственной стратегии молодёжной политики, которая носит долгосрочный характер, формируя у молодых людей целостное мировоззрение и ориентируя их на традиционные ценности, нравственность и патриотизм. В современной интерпретации молодёжная политика представляет широкий комплекс мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера. Реализация ГМП осуществляется на основе межведомственного взаимодействия федеральных органов и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, граждан Российской Федерации. Комплекс мер ГМП ориентирован на создание условий для развития молодёжи, её самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодых граждан. Его главной целью является достижение устойчивого социально-

экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности Российской Федерации [28].

Отечественная историография новейшего периода достаточно многогранно демонстрирует неослабевающий научно-исследовательский и прогностический интерес российских учёных к советской и современной истории государственной молодёжной политики в России. Авторами публикаций являются представители различных отраслей социально-гуманитарного знания, в частности: социологи [2; 7; 12; 21; 25]; философы [6]; правоведы [4; 5; 11]; историки [1; 8; 10; 14; 19] и др. Благодаря научным многоотраслевым изысканиям, аналитическим и статистическим данным, которые приводят авторы в своих трудах, сегодня полномасштабно формируется общеисторический контекст рассматриваемой тематики. Тем не менее вне исследовательского поля остаются некоторые аспекты, связанные с конкретизацией форм, методов и подходов, применявшихся в ходе осуществления стратегически важных для советского государства направлений молодёжной политики на территории Дальнего Востока СССР в позднесоветский период с 1965 по 1985 год. С целью преодоления этой лакуны авторы обратились к представленной проблеме, раскрывая её на региональном уровне.

Позднесоветский период (1965 – 1985 годы) в истории российского Дальнего Востока занимает особое место. Государственная экономическая стратегия ускоренного и комплексного развития дальневосточной территории, предусматривая реализацию масштабных социально-экономических проектов, была нацелена на последовательную промышленно-транспортную модернизацию, ликвидацию кадрового дефицита, активизацию миграционных процессов и последовательный демографический рост населения региона. Для этого использовались всевозможные экономические стимулы, подходы, организационные формы и методы. В условиях начавшегося нового витка модернизации дальневосточного региона свою востребованность сохраняла мобилизационная социально-политическая модель, в которой одним из ведущих механизмов выступал Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи (ВЛКСМ). Объединяя в своей структуре и деятельности элементы общественно-политической системы, черты государственного института и субъекта государственной молодёжной политики, эта организация выступала инициатором различных призывов и починов, обращённых непосредственно к юношам и девушкам. Кроме того, союзная комсомольская организация выступала в качестве важного компонента социализации подрастающего поколения советской молодёжи в СССР.

С началом строительства новых индустриальных предприятий и технической реконструкции производственных мощностей, реализации железнодорожных транспортных проектов (Байкало-Амурская железнодорожная магистраль и др.), одновременным хозяйственным освоением природных богатств и малообжитых районов Сибири и Дальнего Востока, осуществлявшимся в условиях экстенсивной экономики, в рассматриваемый хронологический период государство в поисках дополнительного источника трудовых ресурсов сделало ставку на молодое поколение. С опорой на богатый исторический опыт, оформившийся ещё в 1930-е годы, когда в условиях реализации планов по индустриализации остро встала потребность в дополнительных трудовых ресурсах, которые направляли в различные отрасли промышленности, испытывавшие массовый дефицит рабочих, с середины 1960-х годов началось активное привлечение молодых людей к решению общегосударственных и хозяйственно-экономических задач. Масса высококомобильных советских юношей и девушек, охваченных романтикой, трудовым энтузиазмом, хаотичным порывом переезда на новое место с комсомольской путёвой на руках и обещаниями материального благополучия, была приведена в движение, направленное на восток. Следует отметить, что многие исследователи 1970-х – начала 1990-х годов характеризовали этот процесс как «демографическое зеркало», поскольку во многом этот период совпал с ростом населения на дальневосточной территории [19, 77].

Модифицированная с учётом текущего периода, мобилизационная модель в позднесоветский период осуществлялась через систему починов, т. е. инициативы комсомольских организаций, общественные призывы или оргнаборы – привлечение государством активной части молодёжи в ведущие отрасли народного хозяйства различных регионов Советского Союза, организацию шефства над различными строительными, промышленными, сельскохозяйственными объектами.

Эти направления нашли отражение в ряде партийно-правительственных постановлений об общественных призывах на ударные строительные объекты пятилеток [23, 118-119; 24, 69].

Многие дальневосточные индустриальные площадки были объявлены «Всесоюзными ударными комсомольскими стройками». Например, в Приморском крае 5 апреля 1968 года началось строительство ГРЭС. Здесь трудилось 2072 чел., из них молодёжи до 28 лет – 987; в 1971 году – 1623 чел., из них молодёжи до 30 лет – 797 чел. (см. прим. 1, л. 84). В 1971 году аналогичный статус получили Амурский машиностроительный и Эльбанский механический заводы, Амурский целлюлозно-картонный комбинат, в апреле 1974 года – масштабный железнодорожный проект «Байкало-Амурская магистраль». На основании постановления ЦК ВЛКСМ от 18 марта 1971 года «О Всесоюзных ударных комсомольских стройках IX пятилетки и общественном призыве» на строительство этих предприятий в Амурск прибыли 548 юношей и девушек. Общая численность работавших на комсомольских стройках Хабаровского края в начале 1970-х годов составляла 2200 чел., в том числе молодёжи до 30 лет – 1202 чел. (см. прим. 2, л. 3); на БАМ с 1974 по 1980 год приехали более 20 тыс. чел. [19, 80]. Также этот подход использовался при сооружении Сахалинской ГРЭС, геотермальной электростанции на Камчатке в 1961 – 1967 годах; Билибинской АЭС на Чукотке, Колымской ГЭС в 1967 – 1976 годах и др. [14, 210]. В целом, оргнабор определялся спецификой отраслевого развития краевых и областных регионов советского Дальнего Востока. Ежегодно государство тратило на его проведение от 8 до 10 млн р. [20, 291].

Важно отметить и тот факт, что молодые люди, прибывавшие по комсомольским путёвкам на промышленные или сельскохозяйственные объекты, были мотивированы не только в информационно-идеологическом плане. Материальная заинтересованность и экономические стимулы играли не последнюю роль. На основании трудового законодательства руководители принимающих организаций заключали с молодыми рабочими трудовой договор на срок от 3 до 5 лет. С учётом региональных особенностей к заработной плате начислялись районные коэффициенты, северные надбавки, предоставлялись большие ежегодные отпуска с оплатой к месту отдыха один раз в 3 года, бронировалось жильё (независимо от ведомственной принадлежности) по месту постоянного проживания на весь период трудоустройства [19, 78-79].

И всё же сложные социально-экономические условия работы и жизни в районах пионерного освоения Дальнего Востока для многих юношей и девушек нередко становились непреодолимым препятствием. Общежития были переполнены, не хватало мебели, инвентаря, оборудования. Заключались браки, рождались дети, но строительство дополнительного жилого фонда и производственной инфраструктуры осуществлялось крайне медленно, финансируясь по остаточному принципу. Многие молодые рабочие вынуждены были переходить на предприятия и строительные организации, не имевшие отношения к комсомольским стройкам, мотивируя свои действия возможностью на новом месте работы получить квартиру и устроить детей в ясли или детский сад. Спутниками молодёжных новостроек региона становились нарушения трудовой дисциплины, правонарушения, текучесть кадров. В частности, как показали опрос и анкетирование, проведённое Приморским крайкомом ВЛКСМ в 1973 году, 68,7 % молодых строителей из 100 чел. были недовольны организацией труда, 37,5 % – жилищными условиями (см. прим. 1, л. 84).

Имелись проблемы и в плане климатической адаптации на местах. В частности, медико-географические исследования 1975 года в рабочих посёлках и населённых пунктах зоны хозяйственного освоения БАМа показали крайне неоднозначные результаты. Процесс адаптации приезжих рабочих протекал без существенных сдвигов в состоянии здоровья до тех пор, пока прибывали представители молодого поколения (исключением стали лишь высокогорные районы – Байкальский, Северо-Муйский, Дуссе-Алинский и др.). Приезд старшего поколения серьёзно усугубил адаптационные процессы: резко обострялись хронические заболевания, росли показатели данных о нетрудоспособности. В совокупности это детерминировало текучесть кадров, поэтому при комплектовании трудовых коллективов на Дальнем Востоке СССР предпочтение отдавалось именно молодёжи [19, 77].

Продолжением мобилизационной государственной политики в отношении молодёжи на позднесоветском этапе стали организация и деятельность студенческих строительных отрядов

(ССО), которые также привлекались на хозяйственные объекты региона в качестве дополнительного трудового ресурса. В основе формирования ССО лежало единство принципов добровольности и самоуправления. Студенческое движение имело собственный устав, в соответствии с которым ССО рассматривался как производственная единица в составе строительной или иной организации, обязательным условием являлось наличие двухстороннего договора и программы работ [14, 216]. Большинству хозяйственных руководителей, директорскому корпусу принимавших организаций трудовая деятельность студентов была экономически выгодна. В частности, финансовые доходы от выполненных ими объёмов работ не только перекрывали расходы, связанные с приёмом студентов, но и приносили прибыль. Наиболее эффективными были отряды численностью от 90 до 100 чел.

Несмотря на то что трудовая деятельность ССО носила сезонный характер, как правило, в период летних каникул («третьего семестра»), студенты имели возможность не только приобрести рабочую специальность, но и получить дополнительный заработок и профессиональные навыки. Как правило, ССО трудились на предприятиях рыбной промышленности во время путины и в строительстве, поскольку эти региональные отрасли были сезонными и наиболее трудодефицитными, также популярной в студенческой среде была работа на железнодорожном транспорте в качестве проводников на поездах дальнего следования, пионерских вожатых, механизаторов в сельской местности, медиков, продавцов и др.

За 1970-е – первую половину 1980-х годов вклад ССО в хозяйственное развитие дальневосточной территории был значительным. В частности, в 1970 году Хабаровский краевой строительный отряд перевыполнил производственную программу на 131,2 % (в 1969 году – на 118,6 %). Приморский краевой ССО в 1972 году выполнил производственное задание на 2884 тыс. р., в 1980 году уже было им освоено 10,5 млн р. (больше плана на 200 тыс. р.) государственных капитальных вложений, в 1984 году – 10,1 млн р., в 1985 году – 12,343 млн р. [19, 64]. На Камчатке летом 1969 года ССО, сформированный из студентов Алтайского медицинского и политехнического институтов, освоил 650 тыс. р. и сдал в эксплуатацию элеватор, а с 1971 году в составе трудовых отрядов стали работать студенты вузов и техникумов Петропавловска-Камчатского [14, 217].

Иначе подошли к организации отрядной деятельности студенты Дальневосточного института советской торговли во Владивостоке. Они сформировали студенческий агрономический конвейер «Поле – прилавок», тем самым реализовав жителям города овощной продукции на сумму 2,3 млн р. В конце 1980-х годов этот отряд прекратил существование в связи с распадом колхозов и совхозов. Одновременно ССО имели опыт работы на предприятиях бытового обслуживания (в 1986 году в Приморском крае в столовых, ателье, мастерских, химчистках студенты оказали услуг на сумму 37,8 тыс. р.), с «трудными» подростками через организацию ОСИПов (отряды студентов и подростков): с 1975 по 1977 год в ОСИПах были задействованы 182 подростка. В дальнейшем около 70 % из них были сняты с учёта в инспекциях по делам несовершеннолетних [14, 219; 19, 53-54].

Тем не менее со временем принципы и методы формирования ССО нарушались, усиливались административные тенденции. Со стороны вышестоящих организаций, партийно-хозяйственных органов власти вузам ежегодно устанавливался план набора в строительные отряды. При этом изначально их численность завышалась настолько, что, по сути, они реорганизовались в поставщика рабочей силы на стройки и промышленные объекты региона. Всё отчетливее становилась тенденция, связанная со срывом сроков заключения договоров между производственными организациями и отрядами. Нарушения в плане подготовки программы работ и проектно-сметной документации для ССО приобретали практически массовый характер. Нередко строительные организации формально подходили к трудовой деятельности отрядов. Например, только в Хабаровском крае к началу 1970-х годов из 404 сооружаемых студенческими отрядами объектов лишь 2 получили проекты работ (см. прим. 3, л. 29). Лишь после прибытия ССО на место в трест «Биробиджанстрой» выяснилось, что запланированные для студентов объекты уже построены. Руководство организации, по сути, навязало отрядовцам подсобно-вспомогательные работы (см. прим. 4, л. 10).

Организации, принимавшие стройотрядовцев, из-за некачественной материально-технической подготовки в дальнейшем использовали их на вспомогательных работах, необоснованно передислоцировали на другие объекты, что существенно снижало возможность заработать и пополнить студенческий бюджет. В совокупности это приводило к разочарованию молодых людей в движении ССО в целом.

Нельзя оставить без внимания и так называемых «негласных конкурентов» ССО. Самостоятельные бригады сезонных рабочих, состоявшие также из молодых людей, прибывали на Дальний Восток из таких крупных городов, как Москва, Ленинград, Киев, Кишинёв и др. Их называли «дикими» или «шабашниками». Только в 1970 году на территории Хабаровского края их численность составляла 434 чел. Запретить им работать Краевой штаб ССО не мог, но, обратившись в налоговые органы, добился того, что их лишили финансовых льгот стройотрядов и взимали подоходный налог с прибыли. Другим соперником в трудовой деятельности ССО стал спецконтингент, т. е. условно осуждённые и условно-досрочно освобождённые. Разрешить кадровый дефицит силами студенческих отрядов не представлялось возможным, поэтому практиковалось привлечение подобного рода работников на строительные объекты (например, Приморская ГРЭС, ГОК в пос. Ярославка и Новоспасский цементный завод Приморского края и др.). В частности, в 1971 году на сельскохозяйственные объекты «Хабаровсккрайцелинстрой» было направлено 800 чел. взамен 14 студенческих отрядов численностью 750 чел. Требования, связанные с организацией питания, жилья, досуга, фронта и объёма работ для студенческих отрядов, при использовании спецконтингента автоматически ликвидировались, а также доходы от выполненных им работ, перекрывавшие расходы, связанные не только с приёмом ССО, но и прибылью от их работы, заставляли хозяйственных руководителей отдавать предпочтение при наборе рабочих спецконтингенту [14, 242; 19, 59] (см. прим. 5, л. 11).

Таким образом, реализуемая управленческой элитой на Дальнем Востоке СССР в 1965 – 1985 годах государственная молодёжная политика проводилась в контексте общегосударственных мероприятий, не выходя за пределы регламентации и контроля со стороны властных структур. Одним из её двигательных механизмов оставалась мобилизационная социально-политическая модель, содержащая разнообразие форм, методов и подходов. Сегодня оценивать достижения и просчёты позднесоветской эпохи можно по-разному, но нельзя не согласиться с высказыванием одного партийного работника, сделанное в 1971 году: «Под спокойной поверхностью жизни русского (советского – *от авт.*) общества, как её изображает “Правда”, бурлит разносторонняя и сложная жизнь... Мы не являемся обществом “одного измерения”, как думают на Западе» [26, 7]. Ориентированная на молодёжный социум, в перспективе мобилизационная модель решала проблемы привлечения, а впоследствии закрепления молодёжи в регионе. Тем не менее углубление хозяйственного кризиса в рамках экстенсивного характера советской экономической системы, нарастание диспропорций в промышленном секторе и усиление дефицита рабочей силы стимулировали спрос на неквалифицированный ручной труд. Реализация крупномасштабных промышленно-транспортных проектов на территории Дальнего Востока СССР в позднесоветский период, к сожалению, не сопровождалась соответствующим развитием социальной инфраструктуры и улучшением качества жизни дальневосточников в целом и молодёжи в частности. В дальнейшем это способствовало лишь механическому вовлечению в производство человеческих ресурсов через трудовую мобилизацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абабкова, Н. Н. Деятельность советских клубных учреждений в годы развитого социализма (на примере Комсомольского-на-Амуре Дома молодёжи) / Н. Н. Абабкова, С. В. Сенькина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № IV-2 (44). – С. 90-93.
2. Аносов, С. С. Мобилизационная активность молодёжи и государственная молодёжная политика / С. С. Аносов // Социология. – 2023. – № 1. – С. 37-44.
3. Борзенко, Г. В. Государственная молодёжная политика в России и перспективы её современного развития / Г. В. Борзенко // Молодой учёный. – 2020. – № 45 (335). – С. 301-304.

4. Гречихин, В. Г. Современная молодёжная политика в России / В. Г. Гречихин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 5. – С. 18-21.
5. Зинятова, М. А. Современные подходы к повышению привлекательности студенческих отрядов для молодёжного движения / М. А. Зинятова // Государственная молодёжная политика: вызовы и современные технологии работы с молодёжью: материалы Междунар. молодёжной науч.-исслед. конф. (Екатеринбург, 1 апр. 2022 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. – С. 57-61.
6. Платонова, Н. М. Из истории организации и деятельности дальневосточных студенческих отрядов в позднесоветский период // Н. М. Платонова, С. В. Ключников / Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сб. трудов. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2022. – С. 125-133.
7. Катунина, А. И. Особенности и проблемы государственной молодёжной политики как фактора социализации молодого поколения в современной России / А. И. Катунина // Государственно-правовые исследования. – 2020. – Вып. 3. – С. 525-528.
8. Комарова, М. С. Молодёжь как объект государственной политики: специфика формирования общественно-политического потенциала / М. С. Комарова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10. – № 6. – С. 147-151.
9. Крикунова, В. А. Молодёжная политика в современной России: понятие, субъекты, факторы формирования / В. А. Крикунова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 101. – С. 277-283.
10. Магистраль, устремлённая в будущее. Дальневосточной железной дороге – 125 лет (1897 – 2022) / Сост. В. В. Буркова, А. А. Лисицын. – Хабаровск: Изд-во «Частная коллекция», 2022. – 300 с.
11. Никитин, И. М. Роль и значение нормативно-правового обеспечения молодёжных программ на предприятиях в современных условиях / И. М. Никитин // Государственная молодёжная политика: вызовы и современные технологии работы с молодёжью: материалы Междунар. молодёжной науч.-исслед. конф. (Екатеринбург, 1 апр. 2022 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. – С. 62-71.
12. Носик, М. Ю. Современное состояние государственной молодёжной политики России / М. Ю. Носик // Актуальные исследования. – 2021. – № 22 (49). – С. 57-59.
13. Об основных направлениях государственной молодёжной политики в Российской Федерации: Постановление Верховного Совета РФ от 3 июня 1993 г. № 5090-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 25. – Ст. 903.
14. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960 – 1991 гг. / Под общ. ред. В. Л. Ларина; отв. ред. А. С. Вашук. – 2-е изд., перераб. – Владивосток: Дальнаука, 2018. – 904 с.
15. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001 – 2005 годы»: Постановление Правительства РФ от 16 февраля 2001 г. № 122 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 9. – Ст. 862.
16. Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р // Официальное опубликование правовых актов. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412080039> (дата обращения: 27.01.2023). – Текст: электронный.
17. О Федеральной целевой программе «Молодёжь России» (2001 – 2005 годы): Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2000 г. № 1015 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 172.
18. О Федеральной целевой программе «Молодёжь России» (1998 – 2000 годы): Постановление Правительства РФ от 18 июня 1997 г. № 746 // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 26. – Ст. 3050.
19. Платонова, Н. М. Государственная молодёжная политика на Дальнем Востоке России в 70-х – первой половине 80-х гг. XX века (социально-экономический аспект) / Н. М. Платонова. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. – 167 с.
20. Платонова, Н. М. Промышленно-гражданский комплекс Дальнего Востока РСФСР (1965 – 1985 гг.). Опыт исторического развития / Н. М. Платонова. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2013. – 414 с.
21. Платонов, А. И. Государственная молодёжная политика: вызовы и современные технологии работы с молодёжью / А. И. Платонов // Государственная молодёжная политика: вызовы и современные технологии работы с молодёжью: материалы Междунар. молодёжной науч.-исслед. конф. (Екатеринбург, 13 апреля 2021 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – С. 9-19.
22. Положение молодёжи и реализация государственной молодёжной политики в Российской Федерации. 2000 – 2001 годы / Министерство образования Российской Федерации. – М., 2002. – 303 с.

23. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об общественном призыве молодёжи на важнейшие стройки пятилетки» (1966) // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. докладов. – Т. 6. 1966 – январь-июнь 1968. – М.: Политиздат, 1968. – 816 с.
24. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию общественного призыва молодёжи» (1984) // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. докладов. – Т. 15. – Ч. 2. Май 1984 г. – апрель 1985 г. – М.: Политиздат, 1985. – 542 с.
25. Ростовская, Т. К. Принятие Основ государственной молодёжной политики 2025 года: фактор эволюционного развития в современной России / Т. К. Ростовская // Государственный Советник. – 2014. – № 4. – С. 93-96.
26. Смит, Х. Русские. Книга. 1 / Х. Смит; пер. с англ.; под общ. ред. М. Шаргородского. – Иерусалим: Scientific Translations International LTD, 1978. – 374 с.
27. Социокультурные аспекты молодёжной политики в сфере труда и образования: моногр. / Л. М. Андрюхина, А. Г. Кислов, Е. В. Осипчукова [и др.]. – Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2019. – 221 с.
28. О молодёжной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ / Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 25.01.2023). – Текст: электронный.
29. Шаламова, Л. Ф. Студенческая молодёжь и государственная молодёжная политика / Л. Ф. Шаламова, А. Ю. Ховрин // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 4. – С. 112-129.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАПК (Государственный архив Приморского края). Ф. П-435. Оп. 13. Д. 188. Л. 84.
2. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. П-617. Оп. 13. Д. 41. Л. 3.
3. ГАХК. Ф. П-617. Оп. 14. Д. 56. Л. 29.
4. ГАХК. Ф. П-617. Оп. 13. Д. 54. Л. 10.
5. ГАХК. Ф. П-617. Оп. 13. Д. 54. Л. 11.